

охоте, земледелии и собирательстве, ремесле, жилище, предметах домашнего обихода, одежде и пище. Автор широко привлекает материалы по этнографии тувинцев конца XIX — начала XX в., а также по исторической этнографии тувинцев, монголов, киргизов и других народов.

Но, к сожалению, отдельные вопросы, возникающие при изучении эпоса, очень интересные с историко-этнографической точки зрения, оставлены автором без внимания. Например, в эпосе упоминаются львы; упоминаются седла, некоторые части которых изготовлены из сандалового дерева и слоновой кости⁵. Между тем в Туве сандаловое дерево не растет, слоны и львы не водятся. Как могли появиться подобные мотивы в эпосе тувинцев? Хотелось бы знать мнение автора по этому вопросу.

Очень любопытно также встречающееся в одном из эпических произведений, но не проанализированное автором упоминание о жилище, построенном из костей маралов. Невольно вспоминаются известные по археологическим раскопкам жилища людей каменного века, почти целиком построенные из костей животных, в том числе из костей оленей.

Заключительный раздел книги посвящен отражению в эпосе общественных отношений. То обстоятельство, что в героических сказаниях тувинцев наряду с характеристикой того или иного персонажа можно встретить и описание его земельных владений, автор убедительно связывает с обычаями феодального общества. Однако вывод автора, что в эпосе нашло отражение эволюция представлений о собственности на землю, оказался недостаточным аргументированным.

Л. В. Гребнев приводит в книге чрезвычайно интересные сведения эпоса об общественной жизни, позволяющие судить о характере собственности на скот у создателей эпических произведений, об их общественном расслоении, войнах, оружии, браке, терминологии родства и свойства (стр. 103—145). Тщательно анализируя общественные отношения, обрисованные в эпосе, Гребнев привлекает сравнительные материалы не только по истории Тувы, но и по истории Монголии и других кочевых скотоводческих народов.

Рецензируемая работа представляет собой ценный вклад не только в советскую востоковедческую фольклористику, но и в изучение истории и этнографии тюрко-монгольских народов.

С. Вайнштейн

⁵ «Тыва тоолдар», вып. I, стр. 23; «Тыва тоолдар», вып. II, стр. 79; «Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос», стр. 108—110.

«Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. Изд. АН СССР. «Литературные памятники». Л., 1962.

В. В. Бартольд неоднократно обращался к эпосу огузских племен Закавказья и прилегающих районов Малой Азии и Ирана — «Китаб и деде Коркут». Семьдесят лет назад он заинтересовался уникальной дрезденской рукописью «Деде Коркут» и в последующие годы опубликовал ряд статей, текст и перевод четырех из двенадцати входящих в ее состав песен; полный перевод, законченный им в 1922 г., издан посмертно в Баку в 1950 г. В 1930 г. в статье «Турецкий эпос и Кавказ» В. В. Бартольд дает развернутую характеристику памятника. Отмечая близость сюжетов и героев «Деде Коркут» с сюжетами и героями эпических сказаний других тюркских народов, он подчеркивает органическую связь произведения с историческими и культурными судьбами Закавказья и Малой Азии XI—XV вв. За два с лишним десятилетия, прошедших с этого времени, и в СССР и за рубежом появилось много новых работ на данную тему, обнаружен еще один, правда неполный, список «Деде Коркут», неоднократно издавался текст памятника и его переводы на ряд языков. Однако основные выводы В. В. Бартольда остаются в силе. Особенно наглядно это видно в связи с новым изданием перевода «Деде Коркут», подготовленного В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым. Выполненный В. В. Бартольдом перевод оставлен неприкосновенным, ибо «его выдающиеся художественные достоинства исключали возможность правки и уточнения по мелочам». обстоятельные примечания, с большой тщательностью составленные А. Н. Кононовым, явились результатом скрупулезной сверки перевода с опубликованными текстами произведения. Учтены также новые интерпретации, поправки и уточнения как текста, так и перевода. Примечания вносят настолько серьезные изменения в трактовку отдельных мест памятника, что перед советскими учеными возникает новая задача — подготовить коллективными усилиями академическое издание текста и перевода «Деде Коркут».

Больше половины книги занимают приложения. В них даются упомянутая выше статья В. В. Бартольда «Турецкий эпос и Кавказ»; статья А. Ю. Якубовского «Китаб

и Коркут» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья», являющаяся кратким изложением работ В. В. Бартольда, и статья В. М. Жирмунского «Огузский героический эпос и книга Коркута», содержащая подробный анализ этого памятника, его состава и происхождения как произведения огузского эпоса. Завершают приложения почти исчерпывающий список литературы и составленный Н. А. Дулиной указатель собственных имен, этнических и географических терминов.

В. М. Жирмунский рассматривает «Деде Коркут» как «единственный письменный памятник средневекового эпоса тюркоязычных народов» (стр. 131). Основные части эпоса и его ведущие герои сложились, по мнению В. М. Жирмунского, в Средней Азии и «на древнейшей приалтайской родине огузов в VII—X вв.». Исторически в этих сказаниях отразилась борьба огузов с печенегами и кыпчаками (IX в.). Однако «В новой исторической и общественной обстановке старые сказания подвергаются коренной творческой переработке... Эта переработка не ограничивается новой историко-географической локализацией, но затрагивает самое содержание сказания... а иногда и лежащее в его основе общественное мировоззрение» (стр. 257). В. М. Жирмунский развивает и пополняет рядом новых аргументов мнение В. В. Бартольда о том, что литературная обработка памятника происходила в XV в. Таким образом, отразившиеся в «Деде Коркут» общетюркские эпические сюжеты и их герои являются лишь трафаретной формой, характерной для всякого эпоса. В новых условиях, на новой родине огузов эти старые сюжеты и их герои были использованы для нового, современного этим условиям содержания, с XI по XV в. настолько трансформировавшего сюжетную канву и образы героев старых эпических сказаний, что не всегда легко обнаружить исходный сюжет и исходного героя. Подробно останавливаясь на этой проблеме, В. М. Жирмунский привлекает многочисленную литературу и богатый сравнительный фольклорный материал, выявляя и прослеживая интересные параллели между сюжетами и героями сказаний «Деде Коркут» и другими произведениями эпоса тюркских народов.

Не меньший интерес представляет анализ сказаний, созданных на новой родине огузов. Еще В. В. Бартольд выделял эти сказания — о сватовстве Кан-Турали и об удалом Домруле — из цикла сказаний «Деде Коркут», связывая их со взаимоотношениями огузов с Трапезундской империей. Впоследствии Э. Росси отождествил Кан-Турали, сватающегося к дочери трапезундского правителя, с эмиром Турали, родоначальником династии ак-коюнлу, совершившим в 1348 г. набег на Трапезунд; сын Турали был женат на трапезундской царевне. В. М. Жирмунский добавляет свидетельства фольклорного порядка: близость сюжетов этих сказаний к сюжетам, широко представленным в новогреческой (в частности, малоазийской) фольклорной традиции, а также к многочисленным средневековым сказаниям о сватовстве, связанным с Трапезундом и возникшим в специфических условиях феодальной жизни Трапезундской империи. Это позволяет отодвинуть дату оформления V и VI песен к середине XIV в. (стр. 267). Однако связанные с Трапезундом сказания могли появиться у огузов и ранее, примерно с середины XII в. Как отмечал В. В. Бартольд, «главное содержание военной жизни богатырей — столкновение с греками и грузинами» (стр. 116), именуемыми «гяурами нечистой веры», т. е. христианами. О них, а также об армянах, говорит основной герой эпоса Казан: «Потому их называют врагами, что когда мы настаиваем их, мы их убиваем; когда они настаивают нас, они нас убивают» (стр. 51). Глава греков и армян всегда именуется в огузском эпосе титулом *тагавор*, применявшимся сельджуками к мелким христианским династам Малой Азии в отличие от императора, титуловавшегося *кайсар* (цесарь). Так, в X песне тагавором титулуется христианский владетель крепости Алынджа около Нахичевани. VII песнь повествует об освобождении Иекенком своего отца, Казылык-Коджи, томившегося в плену в «крепости Дизмерд... на берегу Черного моря»; христианского правителя крепости звали «Тагавором Диреком, сыном Аршруна», т. е. это был один из князей армянского владетельного рода Арируни. Само же повествование является отголоском событий, происходивших в XIII в., когда хорезмшах Джалаль-эд-дин, овладев Ахлатом, заточил в крепость Дизмар оказавшего ему сопротивление Из-ад-дина Айбека, гуляма мелика Ахлата Ашрафа. Впоследствии Из-ад-дин Айбек, «который бежал», получает от монголов в кормление округ Малатию¹. На трапезундского императора титул *тагавор* был перенесен огузами по традиции: здесь ранее были владения византийского владетельного рода Гавра, один из членов которого в конце царствования императора Алексея I Комнена (1081—1118) был назначен дукой². Отражением длительной борьбы между сельджуками и Гавра являются отмеченные В. М. Жирмунским трафаретные сражения предводителя внешних огузов удалого Дундаза, сына Кыян-Сельджука, с «царем неверных» Кара-Тюкеном (песнь II и IX) или Кара-Тагавором (песнь III). Последние два имени представляют собой народные осмысления имен *Гавра-Дука* и *Гавра-Тагавор*, по аналогии с «черным тагавором» X песни.

¹ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, перевод Ю. П. Верховского, Л., 1960, стр. 27—30; т. III, перевод А. К. Арндса, Баку, 1957, стр. 91.

² Ф. И. Успенский, История Византийской империи, т. III, Л., 1948, стр. 600.

Удалой Дундаз, «сокрушивший и взявший железные ворота в Дербентском ущелье» (песнь II), «состоящий беком у железных ворот» (песнь VII), и его отец Кыян-Сельджук связаны также с экспансией огузских племен в Восточное Закавказье, сыгравшей в XI—XIII вв. важную роль в истории Дербента и Ширвана³. В этой связи возникает возможность сопоставления Кыян-Сельджука с ширваншахом Ахситаном I (1162—1187), который по отцовской линии считал себя потомком князидов, а по материнской был потомком Атрака, сына Шаракана, главы половцев, изгнанных Владимиром Мономахом «во Обезы и за Железные врата». В молодости Ахситан в 1159—1160 гг. сражался в сельджукских войсках на стороне атабека иракских сельджуков Ильдегиза, при содействии которого он затем сверг с ширванского трона и убил своего брата, носившего тюркское имя *Туган-Йозак*, «сын дупла», т. е. кыпчак⁴. Восшедшего на ширванский престол Ахситана одописец титулует атабеком и возлагает на его главу «корону рода Сельджука, ибо он могущественнее рода Сасана». Установление таких параллелей затрудняется тем, что многие деятели этой интересной эпохи в разных источниках фигурируют под разными именами — мусульманскими, христианскими, зороастрийскими, тюркскими и др. Характерным примером этого служит *Шер-Шемс-эд-дин*, сын *Гафлет-Ходжи*, ездивший на «белом бедунском коне», «без разрешения одолевший врага Баюндур-хана, заставивший изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров» (песни II, III, IV). В. М. Жирмунский, отмечая поздний характер мусульманского имени героя (стр. 236, 237), обращает внимание на его первую часть — *Шер*, перс. «лев», соответствующую тюркск. *Арслан*, широко распространенному у огузских вождей вплоть до Сельджукидов (стр. 225). Это позволяет идентифицировать его с упоминавшимся выше атабеком Шемс-эд-дином Ильдегизом (1136—1174). Проданный мальчишкой в рабство Ильдегиз был доставлен с партией рабов из кыпчакских степей в Азербайджан, где он делает головокружительную карьеру, став властителем обширного государства, женится на матери иракского сельджукского султана Арслан-шаха, становится его атабеком и фактическим главой иракского сельджукского султаната. Понятно поэтому прибавление к его имени эпитета *Шер*, т. е. *Арслан*, и не вполне почтительное именование сыном *Гафлет-Ходжи*, т. е. «неизвестного, нерадивого» ходжи.

Вторжение войск Ильдегиза в Грузию происходило вне зависимости от борьбы закавказских огузов с грузинами. Вот почему Шер Шемс-эд-дин одолевает врагов огузов «без разрешения» — «без разрешения вторгаться в среду врагов в нашем народе — позор» (стр. 71). Уже на фольклорной почве Шемс-эд-дин Ильдегиз превратился в одного из легендарных беков «внутренних огузов» (стр. 241). В действительности «младшие богатыри» это — реальные лица, связанные с исторической жизнью Закавказья и прилегающих районов в XI—XIII вв. «События, нашедшие отражение в эпосе, действительно протекают на территории средневекового Азербайджана, в городах: Гандже, Барде, Дербенте, Шаруре, в крепости Алынджа (недалеко от Нахичевани). Путь героев эпоса показан географически правильно; например, перешагнув воды Шарука (ныне Шарур), герой одного из сказаний Ейнек минует Дерешам (около Нахичевани) и приходит к озеру Гейджа (Севан)»⁵. Путь этот ведет к обширному району плодородных земель по течению реки Куры и Иоры, где уже в XI в. находились зимовья кочевавших летом в горах Армении огузов. «Здесь они, — по словам грузинского летописца, — вели самую приятную жизнь, охотясь, отдыхая, не испытывая никаких лишений и торгуя со своими городами, а когда они совершали набеги на нашу территорию, то захватывали обильную добычу и пленных»⁶. Далее простиралась Грузия — Гурджистан. Еще В. В. Бартольд обратил внимание на наличие в огузском эпосе грузинской топонимики и ономастики. Однако и по сей день этот вопрос ждет своего исследователя (ср. прим. 15 на стр. 270). Например, тагавора Дадиана (IV песнь) можно сопоставить с Варданом Дадиани, чухчархом Георгия III, а витязя Рустама (песнь VIII, X, XI, XII) — с главой «гелакунских туркмен» Ростомом⁷. В целом Грузия XI—XIII вв. отражена в «Деде Коркут» не менее полно, чем современный ей Азербайджан. Так, в IV песне Уруз, сын Казана, обидевшись на своего отца, говорит: «возьму с собой своих чернооких джигитов, уйду в страну Кана (т. е. кагана. — О. В.) абхазского, принесу клятву на золотом кресте, поцелую руку одетого в ризу монаха, возьму (в жены) черноокою дочь Гяура» (стр. 49, цитирую с исправлениями в примечаниях. — О. В.), т. е. изменю исламу и своему народу, перейду в христианство и переметнусь на службу к носящему

³ V. Minorsky, A History of Sharvan and Darband, Cambridge, 1958.

⁴ О. Л. Вильчевский, Хакани. Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта, «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 66; «Хронограммы Хакани», «Эпиграфика Востока», XIII, М., 1960, стр. 64, прим. 1.

⁵ «Деде Коркут». Перевод академика В. В. Бартольда. Подготовили к печати Гамид Араслы и М. Г. Тахмасиб, Баку, 1950, стр. 5.

⁶ М. А. Brosset, Histoire de la Géorgie, ч. 1, вып. II, St. Petersburg, 1950, стр. 358—359.

⁷ «История и восхваление венценосцев. Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил... проф. К. С. Кекелидзе», Тбилиси, 1954, стр. 33 и 43.

титул *кагана* повелителю Грузии, именованной в XI—XIII вв. Абхазией, откуда была родом династия грузинских царей.

В большинстве сказаний (песни II, III, IV) повелитель Грузии называется *Шюкли Мелик*, т. е. «царь Шюкли». Попытка Э. Росси отождествить его с эмиром Шёкли, предводителем туркмен в Сирии в конце XI в., лишена основания. «Злейший из гяуров царь Шюкли», именуемый своих помощников *азнаурами* (песнь II), всегда стоит во главе Грузии. *Шюкли* — вполне понятное при написании арабским шрифтом искажение *Шеки*, во главе которой в IX—X вв. стоял *малик* — автономный христианский правитель и которая с 1120 г. в течение столетия входила в состав Грузии⁸. Итак, повелитель Грузии именуется в «Деде-Коркут» каганом Абхазии и меликом (царем) Шеки, т. е. титулом грузинского царя Дмитрия I — шахиншаха Абхазии и Шеки⁹. Сын Давида IV и дочери Атрака — Дмитрий еще при жизни отца по традиции стран, охваченных тюркской экспансией, стоял во главе военных отрядов переселившихся в Грузию кыпчакских племен. По отношению к нему вполне уместен титул *хакан*, фигурирующий, кстати, в эти годы в титулатурах его шурина и племянника ширваншахов Минучихра II и Ахситана I. Подобно им, Дмитрий признавал верховную власть сельджукских султанов. Вот почему в «Деде Коркут» неоднократно говорится о получаемой огузами «дани девяти тюменей Грузии». Только сыну Дмитрия Георгию III удалось избавиться от сельджукской зависимости.

Как бы ни складывались взаимоотношения грузинских царей с сельджукскими султанами, на пограничной линии продолжались военные действия между огузами и грузинами, в числе которых кыпчаки занимали настолько большое место, что даже военная терминология грузинской армии была кыпчакской¹⁰. Об этой жестокой борьбе и повествуется в связанных с Грузией эпических сказаниях огузов. Облеченные в традиционную форму героического эпоса, эти рассказы подчас кажутся реминисценциями кыпчакско-огузской борьбы в прошлом. Так, огузский богатырь Кара-Будаг, поражающий царя Шюкли, во II песне характеризуется как «заставивший изрыгать кровь вооруженного железным луком царя Кипчака». Сказочное чудовище Деле-Газ, в сказании о котором миф о циклопе контаминирован с иранскими легендами о Зоххаке и мусульманскими преданиями об одноглазом антихристе Даджале, оказывается сыном пера, изнасилованной старым пастухом Аруза Сары-чобаном, т. е. половчанином, этим своим поступком навлекшим на огузов гибель (песнь VIII). Несомненно, старая огузо-кыпчакская вражда не забылась на новой родине огузов, но здесь кыпчаки оказались в лагере «гяуров нечистой веры». Многие из представителей кыпчакской родовой знати вроде Кубасара и Кутлу-Арслана занимали ведущие должности при грузинском дворе. Поэтому к кыпчакам были уже неприменимы нормы родоплеменной вражды. На вопрос Аруза: «Отец, когда из их среды убьют беков, джигитов, потребууют ли платы за кровь?» Легендарный глава огузов Казан отвечает: «Сын, хотя бы ты убил тысячу гяуров, никто с тебя платы за кровь не потребует, это — гяуры нечистой веры» (стр. 51). Тематика и отдельные эпизоды огузских сказаний находят себе параллели в грузинских летописях. Так, повествование о тяготах караульной службы на пограничной линии, чему посвящена IX песнь об Амране, сыне Бекиля, перекликаются с описанием деятельности «порубежников» у историка царицы Тамары¹¹. Целые страницы из «Деде Коркут» и из грузинских летописей свидетельствуют о том, с какой жестокостью, коварством и бессердечием относились друг к другу враждующие стороны. Большой интерес представляют описания костюма, вооружения, особенностей быта грузин, а возможно, и кыпчаков, сохранившиеся в «Деде-Коркут», этом важном источнике, часто дополняющем и разъясняющем свидетельства грузинских летописей.

Менее разработанным вопросом является отражение в «Деде-Коркут» взаимоотношений огузов с жившими с ними бок о бок курдскими племенами. Не касаясь этого вопроса в целом, ограничимся констатацией в топонимике «Деде-Коркут» ряда пунктов, расположенных на населенной курдами территории — Амид, Мардин и др., а также отмеченного В. М. Жирмунским мотива превращения в голубя (стр. 200), столь популярного в курдском фольклоре. Я не сомневаюсь, что внимательное сопоставление «Деде-Коркут» с богатейшим курдским героическим эпосом, а также с преданиями, нашедшими свое отражение в курдской летописи «Шереф-наме», принесло бы обильные и плодотворные результаты.

Изложенное выше определяет научное значение «Деде-Коркут» и очередные задачи дальнейшего изучения памятника, привлекавшего к себе до сих пор внимание, глав-

⁸ А. Крымский, Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании), Шеси, «Сборник памяти Н. Я. Марра», Л., 1938, стр. 372 и 382.

⁹ О. Л. Вильчевский, Ода Хакани грузинскому царю Дмитрию I. Исследование по истории культуры народов Востока, «Сборник в честь акад. И. А. Орбели», Л., 1960, стр. 60, прим. 17.

¹⁰ «История и восхваление венценосцев», стр. 61.

¹¹ В. Дондуа, Базили, историк царицы Тамары, Сб., «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 56—58.

ным образом, как произведение тюркского героического эпоса, сохранившее reminiscenции совместной жизни тюркских племен на Алтае и в Средней Азии. Неоднократно отмечалось также, что близость сюжетов, мотивов, обстановки, характеристики героев и т. д. «Деде-Коркут» и других эпических произведений носит в ряде случаев не генетический, а топологический характер. Эти вопросы достаточно широко освещены в существующей литературе. Значительно меньше изучен другой аспект памятника. В нем, как и во всяком фольклорном произведении, отразилось не только далекое прошлое, но и настоящее его создателей. Поэтому «Деде Коркут» в первую очередь является памятником, характеризующим жизнь огузских племен на их новой родине. Изучение этого аспекта дает возможность восстановить и заново прочесть многие забытые страницы истории Закавказья, Средней Азии, Ирана и Малой Азии в XI—XV вв.

Историки, этнографы, фольклористы, занимающиеся средневековым периодом не только Закавказья, но всего Переднего Востока, должны быть благодарны В. М. Жирмунскому и А. Н. Кононову за тот большой труд, который оба ученых вложили в подготовку нового издания «Деде-Коркут». Это издание не только подводит итог проделанной у нас и за рубежом большой работе по изучению памятника, но и заставляет задумываться над возникающими в этой связи новыми проблемами, побуждает к дальнейшей разработке вопроса. А это есть основное качество настоящей научной работы.

О. Вильчевский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВАЯ КНИГА О СКАЗКАХ И СКАЗОЧНИКАХ

Linda Dég h. *Märchen, Erzähler und Erzählgemeinschaft, dargestellt an der ungarischen Volksüberlieferung*. Akademie Verlag, Berlin, 1962, 435 стр.

В 1956 году в Будапеште защитила докторскую диссертацию венгерская исследовательница народного творчества Линда Дэг, известная широкому кругу специалистов своими сборниками венгерского фольклора и статьями о сказках и сказочниках¹. В настоящее время диссертация ее опубликована на немецком языке издательством Германской Академии наук.

Работа эта является фундаментальным исследованием, посвященным сказке и вопросам ее бытования. Материалом для исследования послужили записи, сделанные Л. Дэг в 1948—1956 гг. в венгерской деревне Каказд, в которой живут потомки секлеров, переселенные сюда во время второй мировой войны из румынской Буковины, где их предки в течение двух веков сумели сохранить в иноязычном окружении свою национальную культуру во всей ее специфике.

В книге Л. Дэг два больших раздела. Первый из них посвящен истории и этнографии того коллектива, сказки которого являются предметом исследования. Второй (основной) раздел посвящен самим сказкам и их рассказчикам, он содержит несколько глав. В первой из них дан обзор современного сказковедения в целом и работ венгерских собирателей и исследователей, в частности. В итоге Л. Дэг приходит к выводу, что перед современными исследователями сказки стоят следующие задачи: 1) точная запись репертуара сказочников; 2) изучение индивидуального творчества сказочников; 3) изучение творчества отдельных коллективов — хранителей местной эпической традиции; 4) изучение сотворчества рассказчиков и их аудитории; 5) повторное проведение наблюдений через определенные отрезки времени над жизнью сказки в изучаемом коллективе. Лишь на основании добытого путем такого скрупулезного изучения материала, по мнению исследовательницы, может быть должным образом изучено взаимодействие традиции и индивидуального творчества и проведено в международных масштабах сравнительное изучение сказки.

Во второй главе этого раздела Л. Дэг рассматривает вопросы бытования сказки, говорит о ее жизни в разных социальных слоях и устанавливает, что сказки распространены преимущественно в демократической среде. Исследовательница утверждает, что в настоящее время сказка в большинстве европейских стран живет только как «воспоминание», живое же активное ее бытование свидетельствует либо о культурной отсталости данной среды, либо вызвано особенностями трудовых процессов данного коллектива.

На основании записей и свидетельств собирателей второй половины XIX и первой половины XX в. Л. Дэг приходит к выводу, что сказка живет преимущественно

¹ См., например: L. Dég h, *Hét bagi mese*, Budapest, 1940; e e же, *Bodrog Közi mesék*, Budapest, 1945; e e же, *A szabadsaghare nepeköltészeté*, Budapest, 1953; e e же, *Kakasdi népmesék*, Budapest, 1955, и др.